Текст · 31 июля 2023, 11:47
Уэнделл Стивенсон,

Болотные солдаты. Репортаж Economist о боях за дельту Днепра

После того как в ноябре 2022 года Украина освободила Херсон, в устье Днепра началось затяжное противостояние украинских войск, которые контролируют западный берег реки, и российских, которые отступили на восточный. Поле боя радикально изменилось после разрушения Каховской дамбы. Корреспондент *Economist* Уэнделл Стивенсон побывала в окрестностях Херсона и пообщалась с Бобром, Музыкантом и другими солдатами, которые уже много месяцев сражаются за дельту Днепра.

Время для жителей Херсона измеряется библейскими категориями: до и после потопа. Когда 6 июня была уничтожена Каховская дамба, вода накрыла территории в устье Днепра, снося дома и смывая в море токсичные отходы. В некоторых районах ее уровень поднимался на шесть метров. «Весь ландшафт поменялся, — рассказывал мне один из местных рыбаков. — Там, где раньше были доки, теперь пляжи. Где раньше мы ловили рыбу с пристани, теперь выросли горы песка».

Линия фронта проходит по реке. «Ничья земля, эдакая Берлинская стена», как выразился один солдат. С тех пор как ВСУ вернули Херсон в ноябре 2022 года, разведгруппы украинцев и россиян играют в кошки-мышки на дюжине островов в нижнем течении Днепра. Установив контроль над этими островами, Украина получит плацдармы для

наступления на восточном берегу реки, это создаст угрозу для Крыма и заставит Россию стягивать сюда войска с других участков фронта. Однако украинским солдатам очень непросто продвинуться по заболоченной местности до первых линий российских укреплений.

После прорыва дамбы в боях наступило странное затишье, но довольно быстро они возобновились. В конце июня пятидневную операцию по возвращению одного из больших днепровских островов возглавлял Бобер (украинские солдаты обычно представляются только позывными по соображениям безопасности). Он носит очки и много улыбается, лицо у него мальчишеское. Родом Бобер из деревни у самой границы с Крымом, которая сейчас находится под российской оккупацией. Там остается его мать.

Отряд Бобра, состоявший из четверых солдат, отправился на остров в полночь на небольшой надувной лодке. Переправа занимает около десяти минут, и это время, когда группа наиболее уязвима.

«На лодке опасно, — рассказывает мне Музыкант, добродушный оператор дрона, которому борода и серьга в ухе придает довольно грозный пиратский вид. — Мы не застегиваем бронежилеты и не завязываем шнурки на ботинках, чтобы можно было как можно быстрее снять то и другое. Иначе, когда ты окажешься в воде, тебе уже ничего не поможет, даже если ты хорошо плаваешь». Одна из главных угроз на реке — противолодочные мины, которые держатся под самой поверхностью реки. Многие минные заграждения были повреждены во

время потопа, и теперь снаряды дрейфуют по всему нижнему течению реки.

Когда лодка отчаливала от украинского берега, Бобер слышал канонаду ночной артиллерийской дуэли вдалеке. На реке стоял невыносимый запах — чувствовались последствия наводнения: «болотистые, гнилостные нечистоты». Бойцы прислушивались, нет ли поблизости российских дронов, которые могли бы засечь отряд при помощи приборов ночного видения. Добравшись до острова, они постарались как можно скорее высадиться. Деревянные мостки смыло, так что им пришлось идти по пояс в воде, подняв над головой автоматы. В полной темноте они нашли заброшенный дом, в котором решили обустроить базу.

В первое утро операции Бобер оценил масштаб разрушений от потопа. Он показал мне видео у себя в телефоне: покрытые илом до подоконников и покосившиеся деревянные дома, искореженные железные крыши, сломанные и заваленные грязью лестницы, повсюду ветки и разнообразный мусор.

Для начала отряду нужно было найти укрытие и безопасные наблюдательные пункты. Потом они планировали подобрать подходящую позицию для противодронового ружья, с помощью которого можно глушить связь между вражеским беспилотником и его оператором. Такое устройство Бобер брал на задание первый раз. Музыкант объяснил мне, что при помощи ружья можно «захватить» дрон, так что он просто зависнет в воздухе и не будет отвечать на команды оператора. Иногда они даже мотают

беспилотник вверх-вниз, чтобы у него побыстрее сел аккумулятор и он упал на землю.

Спустя примерно сутки солдаты привыкли к зловонию. Большую часть животных, населяющих дельту Днепра, — ящериц и мышей, змей и ежей — смыло водой. Но кое-какая живность все-таки осталась и чувствовала себя вполне неплохо. Повсюду ползали черепахи. «А комаров было просто ужасно много, даже спать было трудно», — говорит Бобер. Кто-то оставил на острове собаку, и солдаты постоянно прислушивались, не лает ли она на кого-нибудь постороннего. Однажды ночью Бобер при помощи специальных тактических наушников услышал российскую группу, которая была метрах в ста от них, и увидел, как мелькнул красный огонек прибора ночного видения. Он вызвал артиллерийский огонь по координатам, где были россияне, и потом даже не стал проверять, сколько их погибло.

Украинский снайпер на позиции во время операции в Херсонской области, ноябрь 2022 года. Фото: Bernat Armangue / AP

* * *

В Херсоне тихо, если не считать гулких раскатов артиллерии. От довоенного 300-тысячного населения города осталось около 50 тысяч человек. Многие заведения стоят заколоченными. Разрушенные здания, как сломанные зубы, разбросаны по всему

городу. Вдоль тротуаров выросли сорняки по пояс. Детские площадки заброшены.

Выходить на набережную Днепра запрещено. С-пускающиеся к ней улицы простреливаются с другого берега, где расположены российские позиции. Здесь впадающий в Черное море Днепр образует обширную дельту с множеством рукавов и протоков, шириной в несколько километров. На островах, в окружении болот, расположились дачные поселки.

В затяжных и кропотливых боях за реку сражаются маленькие разведгруппы, которые начинают сновать по реке в темноте на надувных резиновых лодках. Гул дронов смешивается с пыхтением невидимых моторов и мучительным зудом комаров.

Бобер воюет в дельте Днепра с февраля, когда украинцы начали операцию по вытеснению россиян с островов, на которых располагались минометные позиции, обстреливавшие Херсон. Зимой бойцам приходилось разбивать лед веслами. Пробираться через болота и опустевшие поселки было очень опасно: одно неверное движение — и можно провалиться в трясину или подорваться на мине. Украинские разведотряды часто сталкивались с российскими. Продвигались они очень медленно, по сто метров за раз.

До потопа украинская армия медленно вытесняли российскую с островов. Бобер, который воевал в Донбассе еще до начала полномасштабного вторжения и награжден медалью за бои в дельте Днепра, говорит, что россияне обучаются. Они теперь тоже сбрасывают гранаты с дронов и глушат

сигналы, а также изобретают собственные методы ведения новой войны. Например, придумали такую тактику: грузят на лодку мотоцикл, высаживаются на пустынную часть какого-нибудь острова, быстро переезжают на мотоцикле на огневую позицию, стреляют и сразу же возвращаются обратно. «Довольно умно», — признает Бобер.

«Успехи и сама жизнеспособность нашего отряда на 80 процентов зависят от того, будут меня слушать или нет, — говорит он. — Если я говорю: "Не дышать!", значит, дышать не надо. Если я говорю: "Ложись!", значит, надо лечь. Нам нельзя курить. Нам нельзя разводить огонь. Чем меньше мы двигаемся, тем лучше». Довольно серьезной проблемой оказывается храп, и иногда одни бойцы дежурят над другими, чтобы разбудить, если те слишком громко ведут себя во сне. Бобер посмеиваясь рассказывает, как во время ночного перехода на своем первом задании в дельте потерял двоих бойцов. А позже нашел их — по громкому храпу.

Самую большую опасность для украинских солдат представляют российские беспилотники. «Их главная цель — выносить наши дроны и их операторов, чтобы нас ослепить», — говорит Музыкант. Российские дроны, постоянно сменяя друг друга, носятся взад-вперед над дельтой в поисках любых следов жизни: примятая трава, дверь или ворота, которые раньше были закрыты, а теперь открыты. Если ничего обнаружить не удается, они сбрасывают гранаты на случайные дома. В крыше образуется дыра, куда летит следующий снаряд — зажигательный, и дальше беспилотники пытаются засечь, не выбегают ли из здания украинские солдаты.

Один из бойцов рассказывал мне, как вместе со своим отрядом забился в подпол горящего дома, пока над ним барражировал российский дрон, заглядывая по очереди во все окна.

* * *

Бобер говорит, что в ночь, когда россияне подорвали дамбу, он был на одном из больших островов. За три часа до взрыва его отряду поступил приказ покинуть позицию. «Мы снялись с места… и все думали, не слишком ли поторопились», — говорит он. (До сих пор неизвестно, случайный был взрыв или намеренный.) После потопа военные и гражданские погрузились в лодки и стали обходить реку, собирая тех, кто оказался в водной западне.

На островах, за которые боролись украинцы и россияне, оставалось совсем немного мирных жителей. Некоторые из них, как мне рассказывали, попали под российские обстрелы, когда пытались эвакуироваться. Бобер говорит, что некоторые из людей, которые живут в деревнях на восточном берегу Днепра, не хотели уезжать и только отмахивались от солдат. Во время одной такой миссии по эвакуации двое бойцов утонули — мотор их лодки заклинило из-за сильного течения, когда они пытались пройти вверх по реке.

Западный берег, который контролируют украинцы, а вместе с ним и сам город Херсон расположены на возвышенности. Тут затопило всего несколько участков. Но оккупированный Россией берег пострадал очень сильно. Бобер рассказал мне, что видел съемку с дрона, на которой российские солдаты

шли по грудь в воде с автоматами над головой. Когда вода сошла, появились видео с телами утонувших.

Поле боя изменилось, и солдатам пришлось заново учиться на нем воевать. «Когда потоп только начался, мне очень трудно было управлять дроном, потому что не было опорных точек, которые были мне так хорошо знакомы, — говорит Музыкант. — Я хорошо знаю местность, но из-за потопа ориентироваться было просто невозможно. Там, где раньше было дерево, теперь его не было. Там, где был дом, не стало дома».

Родом Музыкант из поселка Олешки на восточном берегу Днепра. Он как-то отправил туда дрон — пролететь над домом, в котором он вырос, и у него перехватило дыхание. Дом стоял пустой, на стене в метре над землей была черная отметка уровня затопления. В воде было столько масла, что когда она сошла, весь сад покрылся своего рода желеобразным ковром. Когда потоп кончился, россияне начали возвращаться. «Они пытаются окопаться на новых позициях, — говорит Музыкант перед тем, как показать мне видео, на котором он через дыру в крыше сбрасывает с дрона гранату в один из домов. — А мы им не даем».

ВСУ непросто наступать в дельте Днепра, пока их единственным транспортным средством остаются лодки и нет возможности переправить через болота тяжелую бронетехнику и артиллерию. Россияне уже поставили новые минные заграждения вместо уплывших — украинцы пытаются расчищать их при помощи подводных беспилотников. В постоянной артиллерийской перепалке невозможно понять, какая сторона побеждает в битве за реку. Оценки

успехов очень сильно зависят от того, с кем говоришь. «Я много чего не могу рассказывать», — с улыбкой говорит Бобер. В голосе его чувствуется странный оптимизм, свойственный украинским солдатам. Они чувствуют, что победят, но знают, что все затягивается.

«У меня столько эмоций и чувств, — вздыхает Бобер после очередной ночи на задании. — Я стараюсь их не показывать». Его мать, которая живет на оккупированных территориях, рассказала ему, что посадила картошку, но выросло так много, что одной ей не справиться со сбором урожая. «Я хочу быть там, чтобы помочь ей», — говорит он.

Автор: Уэнделл Стивенсон

Оригинал: *Ukraine's bog warriors brave swamps, stench and Russian drones*, *The Economist / 1843, July 21, 2023*

Перевод: Дмитрий Голубовский

© 2023, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com